

Еженедельник общественной и политической мысли

„POSSEV“
Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland
Social and Political Review in Russian Language. Germany
Hebdomadaire Social et Politique en langue russe. Allemagne
Издательство и редакция: Limburg/Lahn. Verlag
„Possev“ Bankkonto: Limburger Bank V 14 Post-
scheckkonto: Frankfurt M 33 461 Условия подписки в
Германии: 5 ном.—3 НМ. 10—6 НМ. 15—9 НМ. и т. д.
Условия приема объявлений: 1/64 стр.—7 НМ. 1/32—
13 НМ. 1/16—25 НМ. 1/8—50 НМ. 1/4—90 НМ. 1/2—
180 НМ. 1 стр.—360 НМ. Розыски—20 пф. слово.

Выходит по воскресеньям.
Цена номера в розничной продаже 70 пфен.

V ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ 30 ОКТЯБРЯ 1949 г.

№ 44 (179)

«СТАРОЕ» И «НОВОЕ»

Е. Романов

Российскую эмиграцию можно делить по различным признакам, что многие усердно делают. Но очень редко эти деления правильны, еще реже — необходимы. Одним из таких неправильных и ненужных делений — является деление на «старую» и «новую» эмиграцию.

Смешно было бы отрицать, что между людьми, ушедшими из России в 1919, в 1929, в 1941 и в 1949 годах нет разницы. Она есть и она обусловлена той обстановкой, которая была в покидаемой России: эпоха военного коммунизма, НЭП, немецкая оккупация или подготовка к 3-ей мировой войне. Кроме того, разумеется она обусловлена возрастом физической и духовной принадлежностью к разным поколениям.

Но по какому признаку надо зачислять людей в «старую» и «новую» эмиграцию?

По времени пребывания за границей? Но почему человек, находящийся за границей 18 лет должен быть отнесен к «старой», а — 8 лет — к «новой»? Если стать на этот путь, то для людей, ушедших в эмиграцию в 1949 году, те кто ушли в 1941 году являются эмигрантами «старыми». И вообще тогда появится много «старых» и «новых» эмиграций: для эмигранта 1941 года эмигрант 1949 г. — «новый», а эмигрант 1929 г.

— «старый»; для эмигранта 1929 г. — эмигрант 1941 г. — «новый», а эмигрант 1919 — «старый» и т. д. Такое деление механическое и не отражает сути дела.

Некоторые говорят, что «новизна» и «старина» эмиграции обуславливаются теми социальными взаимоотношениями, которые существовали в России в момент ее оставления. Иными словами: все кто во время гражданской войны уехал и знает дореволюционную Россию — «старые», а кто после — «новые». Однако, и с этой точки зрения трудно согласиться. Дело в том, что 1). во время гражданской войны социальные отношения резко отличались от дореволюционных. 2) социальные отношения времен НЭПа резко отличались от таковых же тридцатых годов (после коллективизации), 3) нынешние социальные отношения отличаются, и весьма существенно, от довоенных (становление правящего класса). Отнюдь не парадоксально утверждение, хотя оно и нуждается в более подробном анализе, что людям знающим старую, дореволюционную Россию многое из происходящего сейчас в России (мужские и женские училища, корпуса, погоны, звания и т. п.) более понятно (пусть даже чисто внешне), чем тем, кто формировался в эпоху увлечения индустриализацией и пятилетками.

Все это говорит, что деление (а его отрицать невозможно, как реальный факт) происходит по иному признаку. Какой же это признак?

Мы считаем, что основной водораздел идет по линии понимания и непонимания современной России; России в каждый момент ее существования. Человек, мог покинуть родину в 1919 году но если он понял и ощутил, что произошло в 1917-1920 гг., если он понял и ощутил, что произошло в 1929-33 гг., если он понял и ощутил, что произошло в 1941-45 гг., если он понял и ощутил, что происхо-

дит сейчас; иными словами, если он все время неотрывно живет жизнью России, жизнью народа, понимает и чувствует все там происходящее — он остается «новым». И наоборот, тот, кто не понял и не ощутил процессов, происходивших в России после первого года немецкой оккупации, кто застыл на 1941/42 годе — тот, если он даже покинул родину в 1943 году, — «старый».

Недавно нам пришлось выслушать мнение о необходимости двух изданий нашего еженедельника: одно — для России и одно для эмиграции. Вот яркий пример водораздела. Для одной части эмиграции не интересно то, что пишется для России. Для нее гораздо интереснее местная хроника того угла, куда его забросила судьба, политические эмигрантские комбинации и иные специфические эмигрантские темы. Все это закономерно и мы ни в кого не бросаем камень. Ведь не все уходило для борьбы. Некоторые просто спасались. Спаслись и начали строить свою далекую от интересов родины жизнь. А многие из тех, кто уходил для борьбы — устали, изверились, ушли от действительности, ушли в мир ирреальный, в мир мифов, в мир несуществующей России.

Вот, все те, кто в мире мифов существует и есть «старая эмиграция», старая в смысле том, что они далеки от сегодняшней, для них новой реальной России. Если в этой «старой эмиграции» процент тех, кто ушел из России в двадцатых годах выше, чем процент тех, кто ушел в сороковых, то в этом нет ничего удивительного. Годы скитаний — тяжелое испытание. И приходится только удивляться и с уважением признать небывалую стойкость тех, кто это испытание выдержал. Нам, например, кажется, что процент выдержавших это испытание в эмиграции сороковых годов будет значительно ниже.

Еще раз повторяем: мы никого не хотим упрекнуть. Большинство из тех людей, кто утратил чувство реальной России, кто ее перестал понимать и ощущать — люди высокоморальные, люди, трогательно любящие вообража-

(Окончание на стр. 13)

В номере:

Г. Климов
В БЕРЛИНСКОМ КРЕМЛЕ

В. Горич
БАЛЛАДА О ДВУХ ШУТАХ

М. Розанов
«НА СОПКАХ МАНЧЖУРИИ»